

ГАСТРОЛЬНЫЕ ТУРНЕ И. СЕВЕРЯНИНА (1915—1918)

В 1915—1918 годах, до своей невольной эмиграции, И. Северянин совершил 3 гастрольных турне, посетив кроме Москвы и Петрограда более 20 российских городов и выступив в общей сложности не менее чем в 79 поэзоконцертах, 20 из которых приходится на Петроград, 23 — на Москву, остальные — на провинцию.

Первое трехмесячное турне началось выступлением в **Москве** (31 января 1915). Поэзовечер состоялся в Большой аудитории Политехнического музея при переполненном зале и оглушительных аплодисментах.

На вечере 31 января стихам эстрадного поэта предшествовал реферат Семена Рубановича «Поэт-эксцессер». Довольно любопытный реферат. Рядом с восхвалением струнности, звучности, многогранности и музыкальности поэта говорилось об его дендизме дурного тона <...>, об его эмоциональности, которая пока взбадривается воспеванием ликеров и шампанского, а затем, мертвея, потребует морфия и кокаина.

Во втором отделении несколько любезных артистов¹³ с увлечением и отличной дикцией прочитали ряд <...> стихотворений поэта.

С особым успехом читал г. Мозжухин, по-актерски интонацией и мимикой подчеркивая смысл стихов. Выходило смешно, карикатурно и почти губительно для поэзо-творений Игоря Северянина.

В третьем отделении выступил, наконец, при восторге, волнении и смехе публики, сам автор.

Он пел свои стихи унылым и однообразным напевом. Но, видимо, была какая-то магия <...>, потому что наиболее чистая и милая публика аплодировала поэту азартно, самозабвенно, загораясь экстазом и не замечая, очевидно, ни пошлости некоторых образов, ни обнаженной бесстыдности иных слов¹⁴.

Другой очевидец отмечал, что артисты «без особой яркости продекламировали ряд поэз. Громкий успех имел И.И. Мозжухин, читавший стихи Северянина в развязной, почти кафешантанной манере, вызывая порой веселый смех и усиленно раздувая искорки пошлости, которыми блистают поэзы»¹⁵. Вечер привлек массу публики. «Сотни толпились у Политехнического музея, пытаясь получить хоть какой-нибудь билет»¹⁶. За Северяниным установилась прочная репутация «любимца публики».

Следующее выступление состоялось в **Петрограде** в концертном зале Петровского училища (6 февраля 1915). Андрей Виноградов читал доклад «Поэзия и мировая война». Виктор Ховин — лиро-критический отрывок «Сквозь мечту»¹⁷. Северянин читал поэзы из книги «Златолира». Со своими стихами также выступали Андрей Виноградов, Александр Толмачев, Александр Корона, Александр Тиняков.

Переполненный до последней возможности зал. Набитые молодежью проходы между креслами. Оживленные, ожидающие лица.

Пожилые, солидные люди, военные — раненые и здоровые, молодежь в смокингах и в черных косоворотках, шикарные дамы и скромные курсистки. <...>

И вот семь <шестеро? — А.К.> молодых людей с красивыми прямыми проборами и неодоухотворенными лицами, кто в сюртуке, а кто и в пиджаке по очереди докладывали, вернее, распевали свои стихи.

Это были не футуристы. «Златоцвет» этой компании — Игорь Северянин публично отрекся от всяких эго и нео-футуристов и окружил себя новыми поэтами земли русской, которые величают его за это в своих докладах «сребролучным солнцем» и еще чем-то в том же духе. Он является апостолом какой-то новой школы, имя которой еще неизвестно.

Один за другим появлялись на эстраде эти молодые люди и без всякой дикции, точно нарочно ущербными голосами, со всеми носоглоточными недостатками, докладывали о себе невероятные происшествия. Кто изощрялся доказать свои неестественные, дикие страсти к женщине, кто с плеча разрешал мировые проблемы.

Сам вождь Игорь Северянин распевал свои, я бы сказал, ненужно-танталливые поэзы, перескакивая от патриотических к бельгийским, от бельгийских к демимонденке «в муарах» с Невского проспекта и так далее.

Гром аплодисментов и порой хохот покрывал эти выступления¹⁸.

Игорь-Северянин, с зеленой розой в петлице, певучим голосом прочел ряд своих поэм, из которых стихотворение «Я, призывающий к дружбе и к радостям тебя, земля, я жажду русскому оружию побед, затем, что русский — я»¹⁹ вызвало бурю аплодисментов.

Но затем, когда одну из своих поэм он закончил словами: «Да здравствует святая трусость во имя жизни и мечты»²⁰, по залу раздался свист и шиканье в задних рядах.

В ответ на это он прочел поэзу: «Живой всегда над жизнью властен и издавна дружащий с риском, здесь я останусь невредим, тем более, что в очень близком мы несомненно победим»²¹.

После него читали свои поэзы: Корона, Тиняков, в которых было много самовозвеличивания, много выражений вроде: «Луна изумрудствует, небо оксанится» и т.д.²²

Через несколько дней Северянин выступил в «Бродячей собаке» на «Вечере пяти» (11 февраля 1915) и вместе с В. Ховиным уехал в Харьков. Харьковский поэзовечер состоялся в Общественной библиотеке (14 февраля 1915) при переполненном зале и с громадным успехом.

Выступление Игоря Северянина было предварено программной лекцией Виктора Ховина. Она называлась почему-то «Футуризм и война»²³, но, по существу, это была декларация петроградского кружка эго-футуристов или интуитов, сгруппировавшихся вокруг «Очарованного Странника». И как таковая, она была весьма симптоматична. И ее определенности несколько не помешало настойчивое желание лектора выдать свою программу за беспрограммность, его отказ от всяких формул, ввиду того что, мол, они,

футуристы, слишком индивидуальны для того, чтобы вдвигать свободный творческий порыв в рамки догматической ограниченности. Но, как сказано выше, и гордое решение лектора — ничего не канонизировать из тенденций и достижений своей школы — не помогло. И стало так ясно и понятно, что перед нами — люди, которые хотят знать только один закон — закон формы, лишь одну страну — страну красоты. <...> Что они провозглашают требование свободного расцвета индивидуальных творческих сил, что они поют апологию капризу. Что они, идя путями очарованных странствий и мечтательных скитаний, хотят поднять со своей дороги каждую пушинку красоты. А красоту видят они не в машинно-механической культуре Маринетти и не в горячей экзотике природы Гогена. Но — там и здесь. <...> Вместе с Игорем Северяниным видят они красоту и в шумящих внешних дубравах, и в будуаре нарумяненной, раздушенной Нелли.

Все это так понятно и так легко (разве нет?) приемлемо. Но для «нового слова», но для дерзостного откровения не слишком ли все это скромно, не слишком ли банально? Но все к лучшему. Когда идеологи петроградского футуризма говорили о том, что они хотят возвеличить каждый день, что пассажиры, канонизируя прошлое, и псевдо-футуристы, глядящие лишь в будущее, творят обряды одной религии — догматической ограниченности; что праздным и лишним представляется спор между реализмом и символизмом, что не следует отрекаться ни от первого, ни от последнего, — думалось: как все это просто, до чего это элементарно! Но — думалось вместе с тем — и позиция, занятая теперь эго-футуристами, — их настоящая позиция. <...> Конечно же, все они — законные дети русского декаданса и символизма. И нет в их выступлении ничего, что не было бы предопределено русской литературной эволюцией, и нет в их речах ничего пугающего и страшного.

И когда вышел Игорь Северянин с певучей декламацией своих последних — действительно, прекрасных — стихов, невольно думалось: как много было в первоначальном благонамеренно-отрицательном отношении к этому настоящему, большому и гибкому поэту — досадной предвзятости. Ведь он меньше всего — ересиарх и больше всего — поэт, коему все подведомственно. <...> И не виделось опасности в том, что соблазнены молодые слушатели хрупкой красотой этого беспрограммного и, в сущности, претенциозного футуризма²⁴.

Успех вечера решено было закрепить повторным выступлением в ближайшие дни, а пока гастролеры отправились в Полтаву²⁵, где 17 февраля 1915 года выступили с той же программой в переполненном публичной зале Городской думы. Один из полтавских поэтов так описывал увиденное:

Программа вечера началась докладом Виктора Ховина на тему «Футуризм и война». <...> В сущности, доклад В. Ховина имел весьма малое отношение к современной войне. <...> Дав весьма краткие и поверхностные сведения об итальянском футуризме, В. Ховин за себя и, очевидно, Игоря Северянина, обеими руками открещивается от маринеттизма и одно-

временно от русских футуристов, которые появились в 1913 году в наших столицах, каждое свое выступление (особенно в Москве) ознаменовывали крупными скандалами и хулиганскими выходками. Однако, что же дал В. Ховин для определения «своего собственного» футуризма? — Ничего, кроме общих туманных и расплывчатых фраз! <...> Все же доклад Виктора Ховина, очень красиво и увлекательно написанный, с литературной стороны заслуживает внимания и, по-видимому, доставил публике большое эстетическое удовольствие, если не считать некоторых мест о марионеттствующих прусских лейтенантах, уже достаточно заезженных по столбцам прессы, по отношению к которой докладчик настроен, по-видимому, весьма враждебно. Неуместны и нетактичны также были, при одновременном с ним выступлении Игоря Северянина, немного рекламные выкрики похвалы поэту, «современнейшему из современных поэтов», так назвал его докладчик.

Гвоздем «поэзовечера» явилось, конечно, выступление Игоря Северянина со своими стихами из циклов «Стихи в ненастный день» и «Балтика»²⁶. Непривычно было для полтавской публики слышать декламацию Игорем Северяниным стихов нараспев. По этой, вероятно, причине иногда со стороны публики, менее сдержанной, раздавался смех. <...> Помимо бодрящих строк о молодежи и молодости <«Восторгаюсь тобой, молодежь...»>, Игорь Северянин прочел ряд ярких и звучных «поэз», посвященных природе, красоты которой «замотыльчившие улыбкой» несут с собой в душу человека всепрощение и любовь:

Виновных нет! Все люди правы
В такой благословенный день —

заключает одну из своих «поэз» Игорь Северянин.

В конце «поэзовечера» Игорь Северянин прочел ряд уже известных публике и признанных критиками стихотворений из своего первого сборника «Громокипящий кубок» («Очам твоей души», «Паж» и некоторые другие). Несколько из прочитанных им поэз по-прежнему, однако, содержали в себе неприятные воспевания собственных поэтических дарований²⁷.

Северянин читал «больше получаса; то уходил, то снова возвращался на вызовы публики. А хлопали усиленно. Очень уже давно так весело не смеялись. <...> Хохот в зале стоял все время, и его <И. Северянина> вызывали без конца. Но лицо Северянина все время оставалось серьезным и неподвижным. Перед каждым новым своим произведением он глубокомысленно смотрел несколько секунд в потолок, а потом начинал декламировать»²⁸.

Из Полтавы Ховин и Северянин вернулись в Харьков, и 19 февраля в помещении литературно-художественного кружка (Московская, 20) состоялся второй поэзовечер, прошедший с таким же успехом. В. Ховин читал доклад «Перепутья русского футуризма», а И. Северянин декламировал новые поэзы²⁹.

Из Харькова оба срочно выехали в Петроград, где на 22 февраля был назначен 5-й (для Петрограда) поэзовечер Игоря Северянина, согласно афише ничем не отличавшийся по программе и составу участников от 4-го поэзовечера (6 февраля). Однако после этого выступления один из его участников — поэт Александр Тиняков — откололся от группы и занял позиции, враждебные Северянину. В печати появилось несколько отрицательных рецензий А. Тинякова на книги И. Северянина «Ананасы в шампанском» (М., 1915)³⁰ и «Victoria Regia» (М., 1915)³¹. Северянин не стал сводить счеты с перебежчиком, ему было некогда: в Москве на 28 февраля 1915 уже анонсировался 5-й (для Москвы) его поэзовечер в Большой аудитории Политехнического музея при участии В. Ховина, А. Толмачева, артистов А.К. Янушевой, М.С. Дымовой и П.И. Старковского.

Большая аудитория Политехнического музея густо наполнена публикой, в которой преобладает учащаяся молодежь, не устающая слушать стихи И. Северянина.

Вступлением послужил реферат В. Ховина <...>. Затем читались произведения Северянина исполнителями настолько бледными, что казалось, они подобраны нарочно с целью подчеркнуть по контрасту блеск «самого» поэта. Прочел также ряд своих стихотворений А. Толмачев. И стихи его и манера чтения являлись очень тусклой копией Северянина. <...>

Затем со ставшим почти обычным репертуаром выступил И. Северянин³².

Выступление Игоря Северянина сопровождалось обычными овациями и поднесением цветов³³.

После этого вечера в одной из провинциальных газет появилась любопытная статья. Имя поэта в ней названо не было, но без труда угадывается Северянин.

В Москве был недавно «поэзо-вечер». Поэт сошел с эстрады задерганный и вспотевший, морщась от рукоплесканий.

И бросил:

— Они меня принимают, кажется, за цыганскую диву. Я не хочу быть цыганской дивой! Мои стихи... Как вам нравится последний сборник³⁴?

Собеседник ответил, что совсем не нравится. Гораздо хуже, нежели первый. Он даже обрадовался почему-то и возбужденно сказал:

— А следующий будет еще хуже, уверяю вас. И тот, который я выпущу последующим, будет совершенно отвратителен. Иначе не может быть. Разве это поэзия?

И он мотнул головой в сторону только что оставленного зала, где еще не утомонились психопатки.

— Разве я поэт? У меня есть импресарио, и этим все объясняется. Я теперь такой же «номер», как феноменальный счетчик Арраго или дрессированная лошадь. Живу в вагоне.

Вынул из кармана пачку цветных бумажек.

— Видите? Это все афиши из разных городов, где уже объявлены мои гастроли и продаются билеты. Тут есть города, названий которых я раньше никогда не слыхивал. Тут есть маньчжурские города! Гастрольная поездка по России³⁵.

Он не жаловался; было похоже на то, что он оправдывается.

— Я не нахал и не окончательная бездарность, но такие условия выматывают душу у кого угодно. Легче быть цирковым клоуном; он хоть не краснеет, потому что его физиономия вымазана мукой. Впрочем, и я должен слегка гримироваться, иначе лицо кажется слишком расплывчатым с эстрады. Как вам это нравится? Поэзия с подведенными глазами.

Почти шепотом он сказал:

— А вы заметили в моих последних стихах одну особенность? В них чрезвычайное количество согласных. Трудно читать; в горле першит от этой музыки. Это музыка шпал; мчится поезд, дрожат вагоны. И мой антрепренер требует: надо освежить репертуар. И вот я освежаю в грохоте... Шпалы отражаются в стихах. Просмоленные, дубовые... <...>

В эту минуту к ним подошел импресарио, сытый господин. Испытующим взглядом окинул их и сказал поэту:

— Отправляйтесь в гостиницу. Вам надо выспаться. Завтра мы выезжаем с утренним поездом.

Это было сказано очень твердо и внушительно. И цыганский поэт отправился за своим антрепренером³⁶.

После этого выступления Северянин и Ховин срочно выехали в Харьков. Третий (для Харькова) поэзовечер состоялся 2 марта 1915 в Общественной библиотеке. В. Ховин читал доклад «Перепутья русского футуризма»; И. Северянин декламировал стихи из циклов «В ненастный день», «За струнной изгородью лиры» и др.³⁷ Как и в предыдущие два раза, поэзовечер прошел с большим успехом³⁸. Более того, интерес публики все еще не был насыщен, и гастролеры назначили на 5 марта в зале литературно-художественного кружка последний, общедоступный вечер И. Северянина. На этот раз В. Ховин читал доклад «Фанатик красоты в пурпуровой мантии (Оскар Уайльд)», также к выступавшим присоединился А. Толмачев, читавший свои стихи «Рондели», посвященные Северянину³⁹.

Из Харькова Ховин и Северянин отправились в Ростов-на-Дону, где на 8 марта в Ростовском-на-Дону театре был назначен поэзовечер⁴⁰, собравший хотя и не полную аудиторию, но все же достаточно много публики:

Виктор Ховин, молодой критик с «футуристическим» уклоном мысли, перед выступлением Игоря Северянина сделал небольшой доклад на тему «Футуризм и война».

Докладчик, бегло изложив разрушительную сущность итальянского футуризма, тоскующего по великой войне, отрицает его поэтическую ценность, находя, что поэзия Маринетти, воспевающая кинематографический

бег жизни и будучи на службе у технического прогресса, — не может быть настоящей поэзией. Она слишком суха и прагматична. Докладчик отрицательно относится и к искусству сегодняшнего дня: оно пошло по кроваво-му пути военной хроники, стало барабанной поэзией, — поэзией холодного восклицательного знака. Когда разразилась буря военной непогоды, наши лирики растерялись, потеряли почву под ногами. Они робко пошли вслед за военными событиями, не имея сил отказаться от голоса жизни. Они забыли прежние боевые лозунги: искусство для искусства. Им не мила аркадская свирель. Отметив растерянность, царящую в нашей поэзии, докладчик перешел к характеристике футуризма. Он резко отмежевался от шарлатанов футуризма, вроде Бурлюка и Маяковского. Настоящий футуризм не отрицает красоту поэтических восприятий. Наоборот, футуризм чутко воспринимает красоту, предчувствуя шаги будущего, он слышит биение сердца грядущего дня. В мечтательной поэзии сегодняшнего дня, выразителем которой явился Игорь Северянин, преломляется угарная, пряная, как *sûme de violette*, современность с ее шантанами и демимонденками. Сквозь угарный туман настоящего поэт видит мистическое лицо извечного: под романом Поль де-Кока лежит Евангелие. Вот основная сущность поэзии Северянина.

Доклад изложен в красивой форме, но в нем слишком бегло очерчены, не развиты выставленные тезисы.

Во втором отделении выступал Игорь Северянин со своими поэмами. В начале странная манера декламации вызывала сдержанный смех части публики, но затем публика прислушалась, стала внимательной и дружно аплодировала поэту. Большинство прочитанных им поэм — поразительно красивы и музыкальны по форме. Благоуханная прелесть его поэм покрывала публику⁴¹.

Добродушно улыбалась аудитория тогда, когда поэт повторял свои старые поэтические мотивы о собственной гениальности и бессмертии. <...> Характер времени сказался на отношении слушателей к исполненной программе. Наибольшим успехом сопровождалось чтение «поэм» на военные темы, хотя это были далеко не лучшие поэмы Игоря Северянина⁴².

Из Ростова-на-Дону Ховин и Северянин вернулись домой, однако турне на этом не закончилось. 24 марта 6-й поэзовечер-лекция Игоря Северянина состоялась в Москве в Никитском театре. Реферат о творчестве Северянина «Поэт мечты» читал поэт Владимир Королев, получивший впоследствии известность под псевдонимом Влад Королевич. Кроме того, свои стихи читали А. Масаинов и А. Виноградов⁴³. Поэзовечер дал «полный сбор и прошел с большим успехом»⁴⁴.

Через день, 26 марта, 6-й поэзовечер Игоря Северянина состоялся в Петрограде в Александровском зале Городской думы. Алексей Масаинов читал доклад «Поэты и толпа», В. Ховин — лиро-критический отрывок «Сквозь мечту». Свои стихи читали также А. Виноградов, А. Толмачев, А. Масаинов и др. Критики, видимо, потеряли интерес к этим поэзовечерам; в прессе не появилось ни одного отклика, ни одной строчки.

Три недели участники гастролей отдыхали, а 18 апреля А. Масаинов и Северянин выступили в Пскове (Дом им. А.С. Пушкина). Тезисы доклада А. Масаинова «Поэты и толпа» гласили: «Поэзия — пророчество, поэзия — философия, поэзия — услаждение. Искусство — жизнь и искусство — пряность жизни. Песня спутница человечества. Дикари и кафешантанная поэзия. “Да здравствует Пупсик”. Иван Иванович Иванов и его поэтические воззрения. Поэты в тупике между поэзией кредитной бумажки и “Пупсиком”⁴⁵. Уход от жизни. Богема и толпа. Поэзия — страдание. Иван Иванович Иванов не обращает внимания. Пение в пустоту. Но все-таки чувствуют. Эпизод на войне. Призыв»⁴⁶.

В изложении псковского журналиста поэзовечер выглядел так:

Доклад г. Масаинова с несколько вызывающим заголовком «Поэты и толпа» оказался очень скромной и совершенно ненужной защитой поэзии от ее несуществующих врагов.

Поэзия — вечная спутница человечества. Поэзия — мировая душа. В ней высшая красота, в ней пророчество, мудрость философии, самое чистое наслаждение. Поэзия — это мир идеальнейших устремлений человеческого духа. Вот какие старые истины вешал публике представитель молодых поэтов.

Для доказательства их, думается, незачем было тревожить далекие тени Платона и Гераклита и обстреливать публику «шрапнелью» литературных имен и такими «чемоданами», как Толстой, Достоевский, Байрон и Гете.

Впрочем, в докладе г. Масаинова было и нечто иное. Он не только защищал поэзию, но и «переходил в наступление». Объектом его нападения явился читатель, читающая «толпа», презрительно олицетворенная в образе Ивана Ивановича Иванова.

Современный поэт лучше бы чувствовал себя на островах Самоа, чем в нашем, так называемом, культурном обществе. Дикарь больше любит и ценит поэзию, чем представитель интеллигенции. Мы живем в «машинном веке». Машина убила поэзию, искусство. Многоголовый Иван Иванович заменил театр — кинематографом, оперу — кафешантаном и признает только одну поэзию — «поэзию кредитной бумажки».

И современный поэт одинок. Он «поет в пустоту». Он, создавший красоту «творимой легенды», никем не признаваемый, уходит от людей, запирается в кабачок-подвал и находит забвение в «абсенте». Он — страдалец. Он — жертва, еще ничем не искупленная, сытой пошлости современности.

Пройдут года, угрожал г. Масаинов, и «профессора филологии» откроют гениев среди тех, кого мы теперь равнодушно не замечаем. Примеры уже были, восклицал он: Верлен, Бодлер!... Раскаяние придет, но придет слишком поздно.

«Да будет вам стыдно», вам, отвергнувшим прекраснейшее в жизни, вам, виновным в безжалостном угасании прекрасной богини — поэзии, — вот окончательное резюме доклада г. Масаинова. <...>

Вообще «поэзовечер», по-видимому, обманул ожидания публики. Никаких «эксцентричностей», столь обычных для футуристов, не было. Игорь Северянин не пошел далее своего уже успевшего стать известным «жено-

клуба». А некоторые из его поэз были приемлемы и для рядового читателя. Жаждавшие увидеть размалеванную физиономию или желтую кофту были глубоко разочарованы⁴⁷.

И. Северянин впоследствии писал о Масаинове: «Лицо было открытое, светлое, улыбалось весело и лучисто, голос ясно звенел — как солнце. <...> И сразу я почувствовал к нему живейшее влечение, к нему, такому симпатичному, смелому, восторженному. Не обмануло меня первое впечатление: таким он и оказался впоследствии, когда стал у меня “своим человеком”, постоянно выступал на моих вечерах с лекциями об искусстве и со своими искристыми стихами, когда ездил со мной на концерты <...>. Его лекции — в особенности одна из них на тему “Поэты и толпа” — производила фурор. <...> И надо было видеть, как обыватель, называемый им “Иваном Ивановичем”, неистово рукоплескал ему, боясь, очевидно, быть похожим на... обывателя, которого Масаинов разносил с эстрады за тупоумие, равнодушие и отсталость!... Это было так весело наблюдать»⁴⁸.

Каждый развлекался по-своему: Северянин — наблюдая за публикой, а публика — слушая декламацию Северянина.

Турне завершилось выступлениями в Петрограде и Москве.

27 апреля в **Петрограде** в Александровском зале Городской думы состоялся 7-й поэзовечер Игоря Северянина. Доклад «Поэты и толпа» опять читал А. Масаинов. Свои поэзы читали также А. Толмачев, А. Масаинов и А. Виноградов⁴⁹.

29 апреля 7-й поэзовечер Игоря Северянина состоялся в **Москве** в Большой аудитории Политехнического музея. Реферат «Поэзия и мировая война» прочел А. Виноградов. Поэзы Северянина читали также артистки Л.А. Ненашева и Л.В. Селиванова. А. Виноградов выступил со своими стихами. И. Северянин исполнял поэзы из только что вышедшего сборника «Victoria Regia»⁵⁰. Согласно появившемуся краткому отчету, вечер «прошел с огромным успехом. Большая аудитория Политехнического музея, несмотря на высокие цены, переполнена сверх меры. <...> Добрую половину вечера занял сумбурный, весьма витиеватый и крайне невразумительный доклад г. Виноградова»⁵¹.

Завершив гастрольный сезон, Северянин уехал в Петроград, в затем до осени в Эстонию (пос. Тойла).

В июне 1915 года уральские, сибирские и дальневосточные газеты обошло сообщение о подготовке большого летнего турне Игоря Северянина по России и Сибири⁵². Однако никаких гастролей не последовало. Осенью Северянин был призван в армию в качестве ратника ополчения второго разряда и поступил в школу прапорщиков. Одновременно он ходатайствовал о разрешении ему выступать на поэзовечерах⁵³. Хотя и не сразу, разрешение было дано.

Второе гастрольное турне Северянина началось 8-м поэзовечером в **Петрограде** (7 декабря 1915; Александровский зал Городской думы). Алексей Масаинов читал доклад «Поэты и толпа», затем Северянин и Масаинов декламировали свои поэзы⁵⁴.

По этой же программе 12 декабря был устроен поэзовечер в **Сара-тове** (зал Алексеевской консерватории). В отличие от петроградских репортеров, потерявших интерес к вечерам Северянина, в саратовских газетах появилось пять подробных отчетов о состоявшемся поэзовечере, несколько фельетонов и другие отклики. Как писал один из журналистов, «публика вообще любит имена, окруженные хотя бы легкой атмосферой скандала. А широкая публика не отделяет имени Северянина от имени Бурлюка и Маяковского»⁵⁵. К этому времени саратовская публика, видевшая уже «психофутуристов» и московских кубофутуристов, имела возможность сравнить.

Зал консерватории больше чем полон. Преобладают учащиеся — студенты и курсистки. Настроение заметно приподнятое, ожидается выход партнера Игоря Северянина — Алексея Масаинова. На эстраду выходит элегантный молодой человек⁵⁶, многозначительно смотрит на публику, берет стоящий на столике стакан с водой и с жадностью пьет. Зрители ожидают, что Масаинов что-нибудь «выкинет» экстраординарное, но ожидания не оправдались: м<илостивые> г<осудари> и м<илостивые> г<осударыни> — начинает свой доклад «Поэты и толпа» партнер Северянина, — «в прежние времена поэзию ценили гастрономически». Державин сравнивал ее с лимонадом. Теперь же поэзию ценят ниже. Поэты лишние, ненужные люди, и недаром существующий в Петрограде литературный притон носил название «Бродячая собака». А ведь поэзия — пророчество, философия, сама жизнь!

Затем лектор коснулся значения песни. Что было бы на земле, если бы умерла песня? Мать не пела бы, убаюкивая своего ребенка, маленькая девочка не пела бы, бегая с обручем по аллее сада, деревенские бабы не пели бы, свершая свою трудную полевую работу. Скорее звезды закувыркаются на небе, чем умрет песня.

Но Иван Иванович Иванов — по мнению лектора — не любит песни: ему больше нравится кафешантан, он всюду ходит, напевая «пупсика». А каковы воззрения Иванова? Он знает «Птичку Божию», а говорит, что знает всего Пушкина. О Бальмонте он утверждает, что тот пишет скучные стихи, об эго-футуристах он говорит вовсе нецензурные вещи. Поэтам остаются два выхода: или подчиниться Ивану Ивановичу и сочинять оперетки и воспевать табачные фирмы, или уйти к дикарям. Пройдет несколько десятков лет, и вдруг грядущее поколение поймет талант покойного поэта и внесет его творение в Пантеон мировой литературы⁵⁷.

Поэты — «божественные пьяницы», они «любят вино и женщин», — и «цветы красоты возвращаются ими в кабачке <“Бродячая собака”>». «Поэт поет в пустоту, бедная бродячая собака», и когда умрет, хоронится по третьему разряду. «Я думаю, замечает докладчик, — что так будет и с Северяниным»⁵⁸.

Публика наградила лектора жидкими аплодисментами.

После антракта на эстраде появился сам Игорь Северянин, но не с раскрашенным лицом, а в черном костюме, в воротнике, как «обыкновен-

ный» человек. Свои поэзы он поет, поет однотонно и скучно. Пел свои поэзы и Алексей Масаинов. Его мотив — любовь к китайкам, японкам, итальянкам и т.д.⁵⁹

Поэзы талантливы. Игорь Северянин не читает их, а распевает, закрыв глаза, и в устах поэта поэзы его получают особенную прелесть⁶⁰. Содержание их очень несложно. Поле с цветами и краснощекая крестьянка, сочные губы и яркое солнышко... «и все правы, и никто не виноват». <...> Все это очень невинно и талантливо. Окружавшая поэта молодежь сходила с ума. В благодарность ей поэт пропел прекрасный экспромт. Поэт вонзает в «завтра» молодежи копьё и благословляет ее сегодня⁶¹. Все это пустяки, но повторяю, очень милые и талантливые пустячки.

С поэзами выступал и г. Масаинов. О поэзах г. Масаинова можно только сказать, что в них все на своем месте: и ритм сохранен, и поэт при случае не забывает «осупружиться»⁶².

Один из негодующих критиков, задетый докладом Масаинова, возразил поэтам: «Вы только и возможны при Иванове, только и нужны ему с вашими пестрыми, причудливыми и, если хотите, красивыми лохмотьями поэзии»⁶³. Другой журналист, услышавший за поэзией шуршание кредиток, возмущался, что Северянин, собирая битковые сборы, не жертвует на нужды армии. Возмущался он и публикой, которая платит за билеты на поэзоконцерт, а не отдает их также на нужды армии⁶⁴.

Выступление в Саратове, организованное Ф. Долидзе, анонсировалось как начало турне по волжским городам, но за первым успешным поэзовечером продолжения не последовало. Вероятно, возникли какие-то организационные трудности. Гастролеры поехали сначала в Москву (16 декабря), оттуда выехали в Харьков, далее — в Павлоград (19—20 декабря) и Александровск (23 декабря) к В. Баяну. Поездки эти, видимо, связанные с подготовкой будущих выступлений, завершились возвращением в Петроград, где 12 января 1916 в зале Городской думы состоялся 9-й поэзовечер Игоря Северянина. А. Масаинов читал доклад «Великие фантазеры» и свои поэзы⁶⁵. В вечере участвовал также артист художественного чтения Б.Н. Вишневецкий.

Петроградские рецензенты полностью проигнорировали доклад Масаинова и очень скептически оценили Северянина:

Когда вчера выступил на эстраду городской думы не очень молодой человек, в длинном полом сюртуке и сладко запел о «тюле», «женских коленях» и «кружевах», почувствовалась большая неловкость. И. Северянин ничего не забыл и ничему не научился. Правда, он пел о разоренной Бельгии, но «бельгийского» в этой поэме только и было что имена Верхарна, Метерлинка и принцессы Малэн. В остальном — все та же пошлость, то же воспевание «дюшес» и «крем де-виолет».

Но зато и отношение публики к недавнему кумиру стало уже совершенно иным. На лицах скромных обывателей, курсисток, раненых офицеров видно было или детское любопытство или явно саркастический смех.

Эта публика *не уважала* своего певца, может быть, потому, что ждала от него иных песен.

Непонятно, зачем выступал на этом вечере г. Вишневецкий, «артист драматического чтения», как значилось на афише. Трудно прочитать стихи Пушкина и Ал. Толстого хуже, чем сделал это г. Вишневецкий: скороговоркой, без пауз, с завыванием и хохотом, — во вкусе глубокой провинции⁶⁶.

10-й поэзовечер, прошедший в зале Тенишевского училища 17 января 1916, согласно анонсам, был повторением 9-го и вообще не освещался в прессе.

Северянин уехал в **Москву**, где в течение полутора месяцев состоялись четыре (с 8-го по 11-й) поэзовечера. 8-й поэзовечер прошел в Большой аудитории Политехнического музея 20 января 1916 года. Зал опять был переполнен. В первом отделении А. Масаинов читал доклад «Поэты и толпа». По поводу этого доклада один из критиков иронически заметил, что переполненные аудитории и шумный успех, которым неизменно сопровождаются выступления Северянина, едва ли свидетельствуют о декларируемом равнодушии Ивана Ивановича Иванова к поэту.

Во втором отделении И. Северянин прочел ряд поэм из всех пяти книжек своих стихотворений. Публика требовала повторений и долго не отпускала поэта с эстрады. К пению г. Северянина, по-видимому, уже начали привыкать, и прежнего смеха оно почти не вызывает.

Затем читал свои поэмы г. А. Масаинов. Жаловаться на равнодушие «толпы» не приходилось и ему: его приветствовали достаточно шумно.

Затем кончился вечер вторым выступлением Игоря Северянина. Он читал десятки стихотворений. Наибольшим успехом пользовались, ставшие популярными, поэмы из «Громокипящего кубка»⁶⁷.

Впрочем, другие критики сочли, что это «дешевый успех»⁶⁸.

9-й поэзовечер состоялся 30 января 1916 в концертном зале Синодального училища. Публики было меньше, чем раньше. Масаинов читал доклад «Великие фантазеры» и декламировал ряд своих стихотворений.

Игорь Северянин прочитал несколько новых поэм. Поэту был поднесен огромный венок с надписью «Игорю Северянину от москвичей».

На вечере преобладала молодежь⁶⁹.

10-й и 11-й поэзовечера прошли соответственно 25 февраля и 1 марта 1916 в Политехническом музее по одной и той же программе. Перед выступлением Северянина В. Королевич читал реферат «Принц из страны Миррэлии». И. Северянин декламировал поэмы из книг «Громокипящий кубок», «Златолира» и др.⁷⁰

Закончив выступления в Москве, гастролеры немедленно выехали в **Саратов**. Поэзовечер состоялся в Большом зале Консерватории 3 марта

1916. Программа его ничем не отличалась от двух последних московских выступлений.

Второй вечер Игоря Северянина собрал публики не меньше, чем первый <12 декабря 1915>. Зал консерватории ломился от всех — стоявших на окнах, а под конец даже на стульях — желавших видеть и слышать модного поэта⁷¹.

Как и в первый вечер, выходу «самого» И. Северянина предшествовал предтеча. Тогда эту роль взял на себя А. Масаинов, теперь — Вл. Королевич.

Цели обоих предтеч одни и те же: доказать публике во что бы то ни стало, что тот, кто выйдет вслед за ними, огромная сила, большой талант. <...>

Вышел юноша Вл. Королевич и по тетрадке взялся доказывать, что большая ошибка считать Иг. Северянина футуристом: «желтая кофта футуриста на Иг. Северянине — с чужого плеча», а его увлечение футуризмом — «дела давно минувших месяцев». У него лишь есть стремление к обновлению слова, — но этим грехом грешны даже Жуковский, Герцен и другие. «Северянин научил нас ценить красоты слова»... «музыкой красок зачаровал наш слух»... «раскрыл музыку слова» и т.д. в том же духе. «Интуит с душою бирюзовой», он обладает грустными глазами, воспевает любовь, «любовно, благоговейно нежно касается женщины». «Он умеет любить, он пресыщен любовью», заливаясь г. Королевич.

Да нам-то какое дело? Что после двенадцати он ищет «тринадцатую» («нездешницу», мечту недосягаемую), может, это и ценно для самого «интуита», но не больше этого. Нас огорчает как раз то, что г. Королевич ставит в заслугу И. Северянину: «он не касается грязи настоящей жизни», «не посылает никому упреков», «он весь — в мечте». А для нас поэзия ценна, когда она связана с жизнью.

Поэту, «принцу страны Миррэлии», чуждо все, что волнует настоящую жизнь: он оказался жалким, по словам предтечи, в попытке отозваться на текущие события, — от его военных стихов «врагам смешно, а друзьям — больно». Область г. Северянина — чистая поэзия. <...>

Большая часть прочитанных им <И. Северяниным — А.К.> 3 марта поэз напечатана в новом сборнике «Мимозы льна»⁷². <...> От северянинского чтения-пения его поэзы очень много теряют: нудная монотонность утомляет, навеивает скуку, и только футуристические «пережитки», встречающиеся время от времени, несколько развлекают; публика не могла удержаться от смеха в таких местах, как

«Плясали серые лисички
На задних лапках pas de grâce»...⁷³

Или

«Не улетай, прими истому,
Вступи со мной в земную связь»...⁷⁴

Экспансивная публика, желавшая посмеяться, просила прочесть «Ананасы в шампанском», но поэт уклонился <...>. Такие, как прочитанные им «Девятнадцативешняя»⁷⁵, «Поэза счастья» (Я не могу не радоваться маю...) ⁷⁶. «Поэза о том, чего, может быть, не было» (С каждым днем, пятый месяц, ты все тоньше и тоньше...) ⁷⁷, дышат свежестью, блещут искрами подлинного дарования ⁷⁸.

Публика встретила его громом аплодисментов. Студенты поднесли ему подарок. <...> Северянин исполнил несколько поэм из «Громокипящего кубка», «Златолиры», «Ананасов в шампанском» и проч. Публика неистово хлопала и требовала еще ⁷⁹.

Студенты (увы!) поднесли ему венок сонетов, написанных коллективно 14 чел. <...>, и устроили ему овацию, даже носили на руках.

Зал консерватории был полон. Сбор был около 1000 руб. ⁸⁰

Из Саратова поехали в Казань, куда, ввиду опоздания поезда, прибыли 7 марта. Вечер в зале Дворянского собрания анонсировался на 6 марта 1916, но был перенесен на 9 марта ⁸¹. Судя по афише, В. Королевич опять читал реферат «Принц из страны Миррэлии», но в изложении казанского журналиста, содержание его заметно отличалось от предыдущего:

<...> Аудитория молодая и частью даже юная. Под возраст аудитории выступает и лектор Владимир Королевич. Он говорит о том, что футуристы настоящие не признают прошлого и прошлых авторитетов, ибо они живут сегодняшним днем и воспевают автомобили и т.п., вводят новые слова, иногда смешные для других и многое другое. Их бранят, над ними издеваются, но они не унывают и ищут замену устаревших понятий и представлений.

Переходя к Игорю Северянину, лектор считает его плохим футуристом, так как он все-таки признает кое-какие достоинства за старыми мастерами слова.

Почти основным упреком Игорю является его отношение к женщине, в котором хотят непременно видеть похотливость, но на деле это не так. Хулители проглядывают основной мотив творчества Игоря, который считает прежнее деление на непорочных девушек и женщин порочных — лицемерием, он видит и ищет в женщине идеальные стороны вне ее условной чистоты.

«Громокипящий кубок» Игоря Северянина был, так сказать, первым раскатом грома в области обновляемого поэтического творчества, а «Ананасы в шампанском» уже искрятся и бросаются в голову своей игривостью.

Сам Вл. Королевич любит Игоря Северянина и иллюстрирует некоторые положения декламированием его стихов из «Ананасов в шампанском».

Публика настроена весьма благодушно и охотно соглашается с желанием Игоря Северянина, чтобы ей были прочтены и автором некоторые произведения В. Королевича, охотно и весело аплодируя ему, даже иногда давая ему реплики.

Настроение, оставаясь благодушным, принимает несколько иронический характер, когда вступает сам Игорь Северянин, который безнадежно портит свою декламацией некоторые действительно поэтические произведения.

Публике «занятно», и она довольно дружно аплодирует, но, видимо, остается холодной к «новым течениям»⁸².

Очевидно, уязвленный нападками саратовских газет, по окончании вечера, давшего около 600 рублей выручки⁸³, Северянин «пожертвовал из сбора на нужды войны 15 рублей и передал их бывшему в наряде приставу»⁸⁴.

После Казани планировался поэзовечер в Твери (10 марта 1916). Однако, видимо вследствие плохой рекламы, очень мало было распродано билетов и выступление отменили⁸⁵. Северянин и Королевич поехали в Орел. Поэзовечер состоялся 14 марта в зале губернской земской управы и привлек очень много публики.

Выступление в I отделении Владимира Королевича нас не удовлетворило: его реферат о футуризме и о творчестве Северянина оказался по содержанию довольно поверхностным, а его читка и особенно декламирование стихов — далеко не искусны.

Выступление же во II отделении самого Игоря Северянина произвело иное впечатление. Его манера почти петь свои «поэзы» очень оригинальна и по-своему хороша. Дикция Северянина вполне отчетлива, гибка, разнообразна и выразительна. Голос его — довольно сильный, приятного тембра и послушный всем намерениям поэта.

Это «пение» ни в коем случае не смешно.

Жаль только, что поэт пользуется одним мотивом. По крайней мере, так было в отчетном вечере. <...> Его «поэзы» так музыкальны по стиху, так богаты образами — созданиями художественной фантазии, так покоряют своим лиризмом, своими настроениями.

Но... зачем Северянин не просто поэт, а поэт-футурист, зачем он закабалил себя в эту узкую, фанатичную художественную (а часто даже антихудожественную) секту?⁸⁶

На следующий день (15 марта 1916) гастролеры выступали в Курске (зал Общественного клуба). Как и орловчане, жители Курска столь близко столкнулись с футуризмом впервые, возможно этим и объясняется популярное изложение В. Королевичем основ футуризма северянинского толка.

На днях в Общественном клубе состоялся так называемый «поэзовечер» поэта-футуриста Игоря Северянина. Выступлению его предшествовал реферат юного последователя футуризма — Владимира Королевича о поэзии футуристов вообще и, в частности, о значении Северянина. Затем Королевич прочитал несколько «поэз» (так футуристы называют стихотворение) собственного произведения, и, наконец, выступил со своими по-

эзами Северянин. Из представленных образцов и из бледного, в общем, и пристрастного реферата Королевича можно вывести заключение, что футуристы и, в частности, Северянин стремятся найти поэзию в самых ординарных, прозаических элементах обычной серой и будничной обстановки, окружающей городского обывателя: электричество, фруктовые воды, ананасы в шампанском — весь этот калейдоскоп суетливой действительности находит отклик в лирике футуризма. <...> С внешней стороны обращает на себя внимание выдумывание новых слов, например, «мотыльчила» вместо «порхала как мотылек», «19-вешний» вместо «19-летний» и т.д. <...>

Свои поэмы Северянин не читает, а напевает, применяя банальные мотивчики из 3—4 нот, причем переломы голоса отчасти напоминают причитания плакальщиц на кладбищах и производят впечатление чего-то жалкого, в общем же это напевание в связи с юмористичностью содержания придает поэмам характер куплетов на открытой сцене. <...> Хочется верить, что аплодисменты, сопровождавшие выступление Северянина, были вызваны лишь впечатлением новизны, смешного уродства, забавного оригинальничанья и паясничества — не более⁸⁷.

Кроме газетного отчета появился и стихотворный фельетон некоего «офутурившегося курянина» с более эмоциональной оценкой поэзо-вечера:

Попал в Общественный я клуб;
Хоть «опиджачен», «окалошен»,
«Огребешечив» ус и чуб,
Но вышел очень огорошен.
Я слышал дикие стихи,
Которых смысл весьма туманен,
И мыслил: — Видно, за грехи
Явился в мире Северянин,
Хоть аплодировал ему
Рой «обашмаченных» софисток,
И к удивлению моему,
Ряд незрелых гимназисток...
Ах! Что за «перлы», господа,
В «психозном» цикле «поэтичек»:
На постном масле ерунда
И ряд бессмысленных страничек.
Пошел я с горестью домой:
В мозгах «поэзно» и «сумбурно»,
И все вокруг передо мной
Ужасно дико и «футурно».
Всю ночь мне снились напролет
Футурно-страшные картины,
В которых ум не разберет:
Где женщины, и где мужчины...
Наутро вставши, как шальной,

И «осюртучившись», день целый
 Решал вопрос: иль я больной,
 Иль футурист довольно смелый?!⁸⁸

Если уж поэзия Северянина производила в провинции такое впечатление, то что говорить о более радикальных новаторах.

Между тем через день Северянин и Королевич выступали уже в Харькове. 17 и 18 марта 1916 в театре Пельтцера состоялись два (5-й и 6-й) поэзовечера. Согласно анонсам, В. Королевич читал реферат «Принц из страны Миррэлии» и свои стихи; И. Северянин — новые поэмы из последних книг⁸⁹. Отчетов харьковские газеты не напечатали. Для местных журналистов Северянин перестал быть новостью.

На следующий день, 19 марта 1916, гастролеры выступили на поэзовечере в Полтаве (Клуб трудящихся), который открылся все тем же рефератом В. Королевича «Принц из страны Миррэлии».

Выступление Вл. Королевича тем интересно, что он придал творчеству Игоря Северянина новое освещение. По мнению Вл. Королевича, Северянин не футурист и «желтая кофта» на нем с чужого плеча. Футуристы — поэты города, городом они живут, городом раздавлены их души и о городе их «бетонные» стихи. Северянин города не любит. Северянин нежен, женственен и в его стихах слишком много любви и цветов. Северянин — лирик; принц из несуществующей страны Миррэлии, живущий мечтой о единой недосыгаемой Ингрид. Лиризм Северянина рельефно высказывается в его новейших стихах, еще не напечатанных; некоторые из них были прочтены на поэзовечере.

Коснувшись отношения Северянина к женщине, референт сказал, что мы теперь не видим тургеневских девушек, не знаем Виардо, потому что нет Тургенева, который их описывал такими, а есть Арцыбашев. <...> Отношение Северянина к женщине, — сказал далее Вл. Королевич, — благоговейное, осторожное и нежное, и даже в потерянной женщине, в кокошке он видит принцессу Ингрид.

После реферата Вл. Королевич прочел несколько своих стихотворений, из которых следует отметить «Электричество», кончающееся яркими и образными строками:

«В электричестве красива косметика,
 Без косметики — пресны лица.
 В электричестве все — эстетика,
 Им нельзя до конца упиться»⁹⁰.

Игорь-Северянин выступил во втором отделении и «пропел» несколько стихотворений прежних и новых. Многие стихотворения — сами по себе чудесные — проигрывают от напевной манеры читать. Это доказала трогательная «Поэма о Бельгии»⁹¹, прочитанная Вл. Королевичем просто и проникновенно, а Игорем-Северяниным — распевно. Впечатление от первой читки было значительней.

Успех Игорь-Северянин имел большой⁹².

Другой полтавский рецензент дал отрицательный отзыв о вечере, поставив в упрек поэзии Северянина ее «безыдейность»⁹³.

Напряженный ритм турне (за шесть последних дней было дано 5 поэзовечеров) прервался⁹⁴. Воспользовавшись передышкой, Северянин заехал в Одессу. Там, в беседе с журналистом, он изложил свои поэтические убеждения:

Отразилась ли мировая война в современной поэзии?

С этим вопросом мы обратились к гостящему теперь в Одессе популярному поэту Игорю Северянину. Ответ получился почти отрицательный.

— Никто из поэтов, — говорит Игорь Северянин, — не увлекался и не загорался войной. Даже такой утонченный и изысканный поэт, как Сологуб, начал было писать на тему о войне, но и он скоро оставил это. Не было на этих произведениях обычной для сологубовского творчества печати таланта. Начал было и я увлекаться войной, но и мои произведения в этой области оказались неудачными, и я им не придаю никакой ценности. Да и всего, что хочется, не напишешь. Я, конечно, не принадлежу к воспевающим войну. Я слишком люблю жизнь, чтобы петь о смерти, о крови. Но и жизнь, нынешняя жизнь с ее горестями и печалью не может меня удовлетворить. Я лично проповедую забытью от жизни. Побольше шума, смеха, побольше веселья! Пусть наш смех раздастся даже среди плача и стоны, но пусть он заглушает ужасы жизни. Не нужно слез! Я призываю к изысканному, к утонченному, чтобы забытью, чтобы не видеть пошлости и слез жизни. <...>

Поэт не должен иметь убеждений. Ибо убеждения связывают. Кто может поручиться, что он знает, где правда и где неправда? А если не знаешь, то не может быть никаких убеждений. <...>

— Не я один, по-видимому, не увлекаюсь войной. Это замечается и в широких читательских кругах. Чувствуется особый интерес к искусству, в особенности к поэзии и к литературе забвения. Лишь года три тому назад было почти невозможно рассчитывать на успех сборников стихов. А теперь замечается нечто противоположное. Тираж книг достигает небывалых размеров. Мой первый том вышел, например, 9-м изданием⁹⁵, второй вышел 6-м⁹⁶. На днях выходит 6-й том «Тост безответный»⁹⁷, посвященный чистой лирике. Получается впечатление, что либо война не захватывает, либо читатели ищут забвения.

— Вы спрашиваете о футуризме, о новых поэтах? Футуризма уже нет, да, в сущности, его и не было. Был эго-футуризм, олицетворявшийся моим творчеством, и кубо-футуризм, представлявший собою сплошное надувательство.

Но и эго-футуризм, в сущности, — всякая поэзия-модерн. Истинная поэзия не должна знать и не знает языка программ, никаких рамок, никаких уклонов. Есть поэты, как, например, Брюсов, которые не только поэты, но и версификаторы, творящие по определенной программе. Я скорее поэт верленовского или фофановского уклада. Искусство должно быть простым, интуитивным. Кабинетное искусство мне чуждо. И только потому, что я человек настроений, не связанный ни с чем. Вот почему никто

из современных поэтов меня не захватывает сильно. Из поэтов прошлого я преклоняюсь перед Фофановым и Лохвицкой. Им я осенью намерен посвятить цикл лекций, их я предполагаю популяризовать среди читательской массы <...>⁹⁸.

Интересно посмотреть на тиражи книг Северянина: «Громокипящий кубок» (весна 1913) — 1000 экз., 2-е изд. (осень 1913) — 1200 экз., 3-е изд. (февраль 1914) — 1200 экз., 4-е изд. (март 1914) — 1000 экз., 5-е изд. (июнь 1914) — 200 экз., 6-е изд. (июнь 1914) — 1000 экз., 7-е изд. (февраль 1915) — 1200 экз., 8-е изд. (декабрь 1916) — 3500 экз., 9-е изд. (май 1916) — 5000 экз.; «Златолира» (март 1914) — 1000 экз., 2-е изд. (май 1914) — 1500 экз., 3-е изд. (август 1914) — 1040 экз., 4-е изд. (март 1915) — 1000 экз., 5-е изд. (октябрь 1915) — 900 экз., 6-е изд. (май 1916) — 3000 экз.; «Ананасы в шампанском» (февраль 1915) — 2000 экз., 2-е изд. (февраль 1916) — 3500 экз., 3-е изд. (октябрь 1916) — 5000 экз.; «Victoria Regia» (апрель 1915) — 2000 экз., 2-е изд. (сентябрь 1916) — 5500 экз.; «Поэзоантракт» (октябрь 1915) — 2200 экз., 2-е изд. (декабрь 1915) — 2000 экз.; «Тост безответный» (апрель 1916) — 6500 экз.

Нетрудно заметить резкое увеличение тиражей книг Северянина, происшедшее в 1915—1916 годах. Но это был еще не предел. В апреле 1918 года «Громокипящий кубок» выйдет тиражом 15 000 экз., подчеркивая неуклонный рост популярности поэта. По-видимому, к словам Северянина о том, что он проповедует «забыться от жизни»: «Побольше шума, смеха, побольше веселья! Пусть наш смех раздастся даже среди плача и стога, но пусть он заглушает ужасы жизни», — к этому стремлению навевать «сон золотой» следует отнестись серьезно. Складывалась парадоксальная ситуация: популярность поэзии Северянина была тем выше, чем ужасней казалась современникам (прежде всего молодежи) окружающая жизнь. Напротив, в спокойном стабильном быте эта популярность должна была упасть. Так и произошло в 1920-е годы.

Вернемся, однако, к весне 1916 года.

За три недели отдыха Северянин успел сменить программу поэзовечеров, выбрав в качестве докладчика поэта Георгия Шенгели. Первые выступления с новой программой состоялись в Петрограде 11 и 23 апреля 1916 (зал Городской думы)⁹⁹. Г. Шенгели читал доклад «Поэт вселенчества (О творчестве Северянина)», И. Северянин исполнял новые поэмы. В последнем вечере с чтением стихов Северянина выступала также Балькис-Савская (М.В. Домбровская). Столичная критика проигнорировала эти выступления, хотя они имели несомненный успех. Г. Шенгели вспоминал позднее, что, выступая на одном из этих вечеров со стихами из собственной книги «Гонг» «в громадном до отказа набитом зале Городской думы, я вызвал овацию, бисировал четырнадцать раз; в антракте несколько сот экземпляров “Гонга” были раскуплены (в фойе стоял столик с книгами Северянина и моими), и в “артистическую” ломились юноши и девушки с белыми томиками в руках, прося автографов»¹⁰⁰.

25 апреля 1916 поэзолекция И. Северянина состоялась в Москве (Новая Большая аудитория Политехнического музея)¹⁰¹. Московские

критики, как и их петроградские коллеги, единодушно продемонстрировали утрату репортерского интереса к Северянину.

Но гастрольная круговерть опять раскручивалась: на 29 и 30 апреля 1916 анонсировались выступления Северянина и Шенгели в Харькове (Екатерининский театр)¹⁰². Однако в день выступления оба вечера отменены¹⁰³ без объяснения причин. Между тем Северянин, видимо, все-таки был в это время в Харькове, поскольку одно из его стихотворений помечено: «Харьков. 4 мая 1916»¹⁰⁴.

Так и не выступив в Харькове, гастролеры завершили свой сезон в Одессе, где 8 мая 1916 в Драматическом театре состоялся поэзовечер с участием И. Северянина, Г. Шенгели и Балькис-Савской. Программа вечера включала:

«Отделение I. Доклад Шенгели на тему “Поэт вселенчества”. 1) Символизм и символисты. 2) Стремление за пределы предельного. 3) Вампука “достижений”. 4) Кризис символизма и оскудение поэтов. 5) Бальмонт, Брюсов, Блок, Белый. 6) Значение новой поэзии. 7) Город и его поэзия. 8) Брюсов как урбанист. 9) Индивидуализм и особенность. 10) Аксиома индийской мудрости. 11) Мир высохших измерений. 12) Космическое сознание. 13) Два пути проявления космического сознания. 14) Игорь Северянин и космическое сознание. 15) Время и “Монументальные моменты”. 16) Влюбленность, пределы реального мира. 17) Критика и ресторанные поэты. 18) Поэзия жизни, как таковой. 19) Общечеловеческие чувства. 20) Букет переживаний. Поэзо-антракт.

Отделение II. 1) Поэзо-солистка Балькис-Савская исполнит неизданные поэмы Игоря Северянина. 2) Г. Шенгели исполнит свои поэмы. Поэзо-антракт.

Отделение III. Игорь Северянин исполнит поэмы из сборников “Златолира”, “Ананасы в шампанском”, “Тост безответный” и неизданные поэмы»¹⁰⁵.

Театр был переполнен.

Это была не исключительно молодежь, но и обычная, рядовая публика спектаклей и концертов. Факт очень показательный.

Несколько неприятное впечатление оставляет вступительное слово г. Георгия Шенгели «О творчестве Игоря Северянина». И не потому, чтобы докладчик читал плохо или тезисы были неправильны. Наоборот, очень много дельного, кое-что новое, и немало верного было в красиво написанной речи г. Шенгели. Совершенно правильно сделана характеристика творчества «поэта вселенчества», верно подмечено отношение критики, — указаны этапы новой поэзии.

Но неприятен чересчур уж самохвальный тон, эта апология Игоря Северянина, читанная перед его выступлением. Несколько самоуверенными кажутся и резкие отзывы о таких поэтах, как Бальмонт, Брюсов, Сологуб, Белый и Блок. Интересный сам по себе, доклад кажется неуместным во время концерта поэта, столь восплаемого его партнерами по концерту.

Не знаю, может быть, футуристическая этика и скромность с этим не считаются, но реферат, далекий от объективности, был не у места.

С чувством, хотя и неумело, читала «поэзы» «поэзо-солистка» г-жа Балькис-Савская. <...> Читал свои поэзы, не лишенный дарования, г. Шенгели.

И, наконец, в третьем отделении читал или, вернее, пел свои стихи Игорь Северянин. И это было действительно прекрасно, потому что вдохновенно и искренне.

Поэт «пел» множество своих чарующих, душистых, нежных, то влюбленных, то бравадных, то грустных стихов.

Поэзия города и ресторанные аксессуары; море и «Креме де Маргерин», «трижды овесененный» ребенок и черный шофер, королева и пажи, — вся эта поэзия Северянина отражала в себе солнце, истинное солнце творчества. <...> Самая манера читать нараспев очень способствует настроению, сразу вводит слушателя в ритм, в размер.

Поэт читал стихи из всех своих сборников, читал вдохновенно и страстно, с холодной и мертвой маской лица.

И дыхание истинной поэзии, и большое, огромное наслаждение носилось по огромному залу¹⁰⁶.

Восторженные аплодисменты по адресу поэта и цветы. <...> Самые бурные и восторженные аплодисменты выпали на долю Северянина. Молодежь его без конца вызывала¹⁰⁷.

Вслед за этим концертом И. Северянин, Г. Шенгели и Балькис-Савская выступили в литературно-артистическом клубе, повторив в миниатюре свой поэзовечер¹⁰⁸. «Исполнители имели огромный успех и по просьбе публики бисировали без конца»¹⁰⁹.

Этим выступлением завершилось второе гастрольное турне¹¹⁰.

До середины октября И. Северянин отдыхал в имении Бельск и Гатчине. Затем снова начались выступления. В октябре 1916 — январе 1917 вместе с женой М.В. Домбровской (Балькис-Савская) Северянин колесил между Гатчиной, Петроградом и Москвой. Хроника выступлений такова:

19 и 28 октября 1916 — 13-й и 14-й поэзовечера И. Северянина в Москве (Большая аудитория Политехнического музея) при участии Балькис-Савской, артистов В. Валицкой, Н. Нолле и О. Фрелих¹¹¹.

19 и 26 ноября 1916 в Петрограде (концертный зал Тенишевского училища) состоялась 13-й и 14-й поэзовечера И. Северянина по следующей программе:

«Отделение I. Владимир Королевич “Страна несуществующая”. Реферат об Игоре Северяnine. Сказка о короле. Воспоминания души. Страна не существующая. Масканы в Миррэлии. Королева Ингрид. Тост безответный. Укусы критики. О поэзах Северянина вообще. О принце Миррэльском и принце Арлекинском.

Отделение II. Балькис-Савская: поэзы Игоря Северянина, К.М. Фофанова, Мирры Лохвицкой. Владимир Королевич: свои поэзы из книги

“Смуглое сердце”. *Игорь Северянин*: свои поэмы из книг “Громокипящий кубок”, “Златолира”, “Ананасы в шампанском”, “Victoria Regia”, “Поэзоантракт”, “Тост безответный”¹¹².

10 декабря 1916 в **Петрограде** (концертный зал Тенишевского училища) состоялся 15-й поэзовечер *И. Северянина* по новой программе:

«Доклад *Георгия Шенгели*: “Верхарн”¹¹³. 1) Творческий путь Верхарна. 2) Природа и культура и их взаимоотношения. 3) Верхарн — певец природы. 4) Рождение новой души “Черные факелы”. 5) Верхарн — певец культуры. 6) Символизм Верхарна. 7) “Предвечные числа” метафизика смысла и закономерности. 8) Жизнь, как ритм.

Балькис-Савская: поэмы Игоря Северянина. *Георгий Шенгели*: свои поэмы. *Игорь Северянин*: свои поэмы из книг: “Громокипящий кубок”, “Златолира”, “Ананасы в шампанском”, “Victoria Regia”, “Поэзоантракт”, “Тост безответный”¹¹⁴.

14 и 19 декабря 1916 состоялись 15-й и 16-й поэзовечера *И. Северянина* в **Москве** (Большая аудитория Политехнического музея). В первом из них принимали участие Балькис-Савская, В. Королевич, Г. Шенгели и А. Оленин¹¹⁵. Программа второго включала: доклад Г. Шенгели «Самураи духа», выступления Балькис-Савской с поэмами Северянина, выступления В. Королевича и Г. Шенгели со своими поэмами, а также заключительный выход *И. Северянина*¹¹⁶.

14 января 1917 года 16-й поэзовечер *И. Северянина* прошел в **Петрограде** (концертный зал Тенишевского училища). Программа вечера опять была изменена:

«Отделение I. *Алексей Масаинов*: вступительное слово на тему “Великие фантазеры”. 1) Синяя птица человечества. 2) Поиски прекрасного. 3) Недостаточно красивая действительность и красота искусства. 4) О единственной привилегии человечества. 5) Великие и пленительные лугны. 6) Вечность в мгновении. 7) Чудо слова. 8) Вечная антитеза — жизнь и поэзия. 9) Византийский поэт XII века Федор Продром и его сетования. 10) Украшение жизни и ее декораторы.

Отделение II. *Балькис-Савская*: поэмы Игоря Северянина. *Алексей Масаинов*: свои поэмы и поэмы Игоря Северянина. *Игорь Северянин*: свои поэмы»¹¹⁷.

И, наконец, 18 января 1917 в **Москве** (Большая аудитория Политехнического музея) состоялся 17-й поэзовечер *И. Северянина* при участии поэзолистки Балькис-Савской и Г. Шенгели, прочитавшего доклад «Верхарн»¹¹⁸.

После такой трехмесячной разминки в **Москве** и **Петрограде** Северянин справился в третье гастрольное турне.

Турне началось 24 января 1917 поэзовечером *И. Северянина* в **Батуми** (Железный театр). Г. Шенгели читал доклад «Поэт вселенчества» (о творчестве Игоря Северянина). Во втором отделении Г. Шенгели декламировал свои стихи, Балькис-Савская читала поэмы Северянина, а также сам Северянин исполнял собственные поэмы¹¹⁹.

На следующий день, 25 января 1917 года, по той же самой программе состоялся поэзовечер в **Кутаиси** (Городской театр)¹²⁰.

Три следующих выступления прошли в Тифлисе (зал Музыкального училища). Поэзовечер 26 января 1917 включал доклад г. Шенгели «Поэт вселенчества» и чтение стихов Балькис-Савской, Георгием Шенгели и Северяниным.

Вечер открылся чтением лекции г. Шенгели, ознакомившим обширную аудиторию с разными течениями современной русской поэзии и с основными мотивами творчества Игоря Северянина, ярким апологетом которого является лектор.

Как содержание лекции, так и изложение ее вполне положительно, красиво, обстоятельно. Единственным дефектом этой лекции надо считать некоторую тенденцию г. Шенгели возвысить своего любимца, Игоря Северянина, не только за счет современных писателей, как, например, Валерия Брюсова, на которого он поминутно замахивался, но и за счет Некрасова. Это, по нашему мнению, не этично, тем более, что г. Шенгели разбегает с г. Северяниным вместе и в данном случае как бы говорят в один голос.

После маленького антракта г-жа Балькис-Савская прочла несколько стихотворений Северянина: «Зизи»¹²¹, «В шумном платье муаровом»¹²² и др. на «бис», очень понравившиеся публике.

Затем г. Шенгели прочел свои стихи, из которых особенно хороши: «В аметистовом сумраке»¹²³, «Мне было пять лет»¹²⁴ и много других на бесконечные «бис» публики.

Стихи г. Шенгели красивы, поэтичны, полны чувств и создают желанное автору настроение. Поэта наградили аплодисментами и цветами. Кроме того, г. Шенгели, кстати сказать, прекрасный декламатор, прочел с большим подъемом чувств несколько прекрасных стихотворений Игоря Северянина, из которых особенно красивы: «Двенадцать принцесс»¹²⁵, «Весенний день»¹²⁶ и др.

Вечер закончился декламацией поэта Игоря Северянина, встреченного публикой овациями.

Поэт прочел лучшие свои стихотворения, после чего ему от публики был поднесен роскошный лавровый венок со следующей надписью: «Игорю Северянину, певцу весны и жизни от внемлющих ему в Тифлисе».

Поэта вызывали бесконечное число раз, заставляли бисировать стихи и, засыпав его цветами, проводили овациями.

Зал был переполнен публикой¹²⁷.

В другом отчете о вечере больше внимания было уделено И. Северянину:

Игорь Северянин — гурман поэзии, сибарит стиха. Он поэт изысканного вкуса, утонченной рифмы, пылкой эмоции. И стихи его, то пленительно-чарующие, зовущие и звенящие, то бурные и стремительные, всецело относятся к области поэзии для поэзии. В творчестве Игоря Северянина нет полутонов, светотеней: оно все порыв и стремление, оно все — дерзновение дерзновенного и смелого поэта, чьи поэтические устремления, не

признавая никаких законов поэзии, создают подчас рифмы звонкие и чистые, как звук серебряного колокольчика, журчащие, как маленький ручеек, ласкающие, как тихий прибой волны на песчаный берег. Поэт весь в динамике, он воспекает быстрый полет аэроплана, моторы, ландо, автомобили, все чудеса города электрического XX века; его поэзия — поэзия прямой экзотики и бездушного урбанизма. <...>

Манера читать стихи у поэта своеобразная, несколько надуманная, несколько вычурная, но оригинальная и во всяком случае приемлемая. В чтении, вернее, пении своих стихов Северянин достигает совершенства: ясный полный звук, великолепно развитое дыхание. Некоторая небрежность в чтении искупается блестками рифм, чарующей стройностью стиха, чеканностью образа. Восторженная молодежь восторженно приветствовала поэта, прочитавшего в конце стихи к молодежи¹²⁸.

На втором поэзовечере 29 января 1917 Г. Шенгели читал доклад «Самураи духа». Тифлисская критика откликнулась на второй вечер столь же благожелательно, как и на первый:

Можно сказать, что Игорь Северянин создает обаятельные, полные силы и страсти, легенды из маленьких кусочков жизни, такой бледной, такой обыденной. И много этих дивных легенд было пропето поэтом на втором своем поэзовечере, оставившем не менее благоприятное впечатление, чем первый. Поэт был на этот раз щедрее, не так замкнут и холоден, и музыка слов его, таких неожиданных, таких гибких и стальных, вызывала бурю восторга. Большой успех имел другой поэт, Г. Шенгели, прочитавший поэтическую чудную сказку о старике-моряке и его маленьком домике. Это сказка — лучшее, что дал Г. Шенгели в своем «Гонге», сборнике стихов. Краткий сжатый доклад «Самураи духа», прочитанный на этот раз Г. Шенгели, был очень интересен. Самураи, каковое имя несут представители старого японского дворянства, поразившие мир своим героизмом во время русско-японской войны, по определению Г. Шенгели, есть люди, сочетающие в себе все стороны человеческой души, самураи духа — это символ слияния всех качаний жизненного маятника; таков Генрих Гейне, таков Пушкин, горячим поклонником коего является докладчик, Пушкин, сочетающий в себе и Шекспира, и Байрона, предвосхитивший идеи Верхарна и Верлена, Пушкин, один из тех поэтов, кто является равнодействующей между мирозерцанием и мироощущением. Третьим самураем Г. Шенгели считает принесшего «новое пушкинство»... Игоря Северянина¹²⁹.

На третьем поэзовечере 30 января 1917 Г. Шенгели читал доклад «Верхарн». Пожалуй, ораторские способности Шенгели затмили даже популярность Северянина. По крайней мере, в глазах репортеров главным действующим лицом тифлиских поэзовечеров стал именно докладчик:

Лучшее, что было на третьем и последнем поэзовечере Игоря Северянина, это стильный, яркий доклад Г. Шенгели о Верхарне, так трагиче-

ски, по железной воле рока, недавно погибшем. Ярко и цветисто говорил докладчик о совершенной форме стихов Верхарна, о его ослепительных образах, волнующих и манящих, о смелых антитезах — темах верхарновских стихов, о сочетании в душе Верхарна Испании и Фландрии, о гимнах его могучему, здоровому началу, которое поэт находил и в тучных желтеющих полях, и в хлебе, и в винограде, и в мускулистом крестьянине, и в рослой крестьянке, и в диких стадах быков, и во всем, во всем живущем, дышащем, пьющем воздух, вдыхающем аромат цветов и яркого солнца. Верхарн — поэт культуры, — и, <как> говорит Игорь Северянин, погиб от воспеваемой им великой силы — культуры, но докладчик не согласен с этим утверждением и считает причиной гибели Верхарна не культуру, сотворившую поезд, чьи могучие колеса искромсали тело поэта, а *запредельную волю*, некую *таинственную сущность*, умертвляющую и великого поэта, и последнего нищего духом, ибо и тот и другой «бренен». Эта запредельная воля, эта таинственная сущность <...> беспредельно и властно царит над бреним миром, мятушимся, ищущим смятенно и в отчаянии не находящим смысла и оправдания жизни, и в железных объятиях своих эта неведомая и таинственная воля душит все живое, все культурное и осмысленное. <...>

Глубокие мысли, яркие, фантастические слова, в кои облек молодой человек свой доклад, блестящие каскады блестяще построенных фраз, глубокое преклонение перед воспеваемым гением, редкая проникновенность в идеи делают честь докладчику, сумевшему на протяжении трех вечеров, в течение 2—3 часов, блеснуть своим запасом знания, глубиной чувства и искренностью тона. С удовольствием отмечаю блестящий успех у многочисленной аудитории. Тепло принимали и Балькис-Савскую и редкого гостя нашего, Игоря Северянина, чьи стихи долго еще будут напевно звучать¹³⁰.

Тифлисские поэзовечера дали гастролерам полный сбор. Диссонансом на фоне материального успеха и благожелательной прессы прозвучала критическая статья об отсутствии вкуса и культуры у Северянина¹³¹, напечатанная, правда, уже после отъезда последнего из Тифлиса в Баку.

Поэзовечер И. Северянина в Баку состоялся 1 февраля 1917 в театре братьев Маиловых по стандартной программе с докладом Г. Шенгели «Поэт вселенчества».

Выступлению Игоря Северянина предпослан был краткий доклад г. Георгия Шенгели, характеризующий литературные течения, предшествовавшие поэзии г. Северянина, и основные мотивы его творчества. Отметив, что основной чертой символизма, понимаемого, однако, весьма различно, было стремление «за пределы предельного», по выражению Бальмонта, докладчик было коснулся творчества нескольких поэтов-символистов и указал на отвлеченность их поэзии от реальной жизни. Поэзия символистов явилась вместе с тем и выражением подчеркнутого индивидуализма, крайнее завершение которого представляет солугубовский солипсизм. Но одно стремление, хотя бы и к возвышенным целям, не может удовлетворить человека; нельзя же постоянно только собираться в дорогу, нужна и

сама эта дорога, нужно и конечное завершение ее. Отвлекая мечту поэта от реальной жизни, символизм бессилён был привести к такому завершению рожденного им порыва, и этим определилось его последующее оскудение. Реакцией на это конечное бесплодие и отвлеченность символизма и явилась поэзия «вселенчества», ярким представителем которой стал Игорь Северянин. В настоящее время получают все большее распространение теософские идеи и философия ведаизма. Основным положением древнеиндусской мудрости является внешне тавтологическое выражение — «все есть все». Формула эта имеет, однако, свой углубленный пантеистический смысл. Как на лакированной дощечке пять пальцев руки оставляют пять разобщенных следов, хотя и имеют одну основу, так и видимый нами мир есть разобщенное отражение единого в основе своей начала божественной воли. И вот — на смену одинокому, замкнутому индивидуализму выдвигается космическое сознание общности и связи всего сущего. Индивидуалистическая концепция миропонимания не противопоставляется больше соборности, как ее антитеза, и находит свое синтетическое примирение с нею в положении: я — индивид, но ты — брат мой, такой же, как и я. Это космическое сознание общности всего сущего и лежит в основе поэзии Игоря Северянина. Каждый момент непрерывного потока жизни представляет для поэта особую, лишь ему — этому моменту — присущую ценность, и поэт стремится изжить всю полноту его, изжить его «монументально». В этом смысле глубокое выражение поэта — «Монументальные моменты». Соответственно определившимся еще в символизме двум направлениям творческих переживаний — экзотике и урбанизму намечаются и основные мотивы «вселенчества», проникнутого солнечной влюбленностью в предметы реального мира. Вульгарная критика определила Игоря Северянина как поэта «ресторанных поэт», но глубина этих поэт не была замечена ею. Георгий Шенгели останавливается в дальнейшем на отдельных поэт Игоря Северянина и метко, красиво их характеризует. В заключение своего доклада, скорее вступительного слова к последующему, лектор обращает внимание на современную ритмику стиха, опирающуюся на чередование второстепенных ударений и цезур. Школьный канон знает пять основных размеров; между тем только один пятистопный ямб дает 128 возможных вариантов в одной строке. Это богатство языка широко использовано Игорем Северяниным, и его стихи чрезвычайно богаты певучими ритмами. Дабы выявить эту многозвучную ритмику стиха, и в чтении своих поэт поэт придерживается своеобразной манеры, чуждой той, какая принята на сцене. Там стараются читать стихи так, как говорят, между тем в чтении их должна чувствоваться не разговорная речь, а именно стих.

Вот в общих чертах содержание доклада Георгия Шенгели, но этим далеко не передается его сущность. Дело в том, что своей речью г. Шенгели придавал такую красочную, образную и — надо признать — красивую форму, что пытаться пересказать ее — довольно бесплодная задача — все равно что переводить прозой стихотворение. После краткого перерыва, последовавшего за речью г. Шенгели, г-жа Балькис-Савская и Игорь Северянин читали стихи последне:о <И. Северянина. — А.К.>, а Г. Шенгели — свои¹³².

Неудачно было выступление г-жи Балькис-Савской, читавшей несколько стихотворений Северянина. Чтица произносила стихотворения как граммофон, как какая-то неинтересная заведенная машина, без жизни, монотонно, тускло и, главное, не красиво, без яркости выражения и звука. <...>

Вечер закончился чтением своих стихов г. Северяниным. Манера читать стихи у поэта вычурна, деланная, но все это не лишает их оригинальности и своеобразной красоты¹³³.

Первые же иронические смешки сразу стихли. И чем больше читал поэт, тем искреннее и дружнее гремели аплодисменты, обратившись под конец чуть ли не в овацию. И долго еще по окончании вечера столпившаяся у рампы публика не хотела уходить; поэт выходил и снова читал, уходил и снова появлялся у рампы со своей спокойной сдержанностью¹³⁴.

Из Баку гастролеры поехали в Армавир, где выступили 4 февраля 1917 в театре «Марс» с той же самой программой. Армавирская критика более скептически отнеслась к Северянину, нежели бакинская. Один из критиков писал:

Вчера я видал сухощавого и будто уже немолодого человека, вышел он на эстраду небрежно — неуклюжей походкой, поднял кверху голову и нараспев начал читать свои стихи.

Как быстро иногда старится молодость! И как часто ее открытия и дерзновения остаются сзади через несколько всего лет.

Еще недавно вокруг Иг. Северянина кипели ожесточенные споры, его ругали все, кому не лень было ругаться.

Теперь ему аплодируют, требуют от него повторений.

И теперь он читает о Бельгии, немного вспоминая только о своих ананасах в шампанском.

Чичероне по вертограду северянинских цветов поэзии г. Георгий Шенгели неумоимо доказывал полчаса, что Иг. Северянина не надо бояться, что новые его слова апробированы академиками-профессорами, что он благонамеренный новатор, пойти за которым не представляет опасности.

Напрасны были эти слова: новаторство Иг. Северянина быстро перестало быть новаторством. Он мил, изящен, немного эксцентричен, — этот изысканный аматер новых слов и лексикона общеупотребительных франко-английских слов, которые вы все найдете в любом романе Марселя Прево¹³⁵ или г-жи Жан¹³⁶.

Г. Шенгели много говорил о новом кадансе¹³⁷ стихов Иг. Северянина. Нам продемонстрировали его для очевидности. Каданс обычного вальса и даже мелодия его.

Пикантно звучит это, когда идет речь о «грезерках», о лорнете, кларете, ландолете и т.д., но как утомителен и неинтересен этот вальс, когда под аккомпанемент его говорятся слова, претендующие на космичность, на художественное, творческое слияние предмета с миром. <...>

Прошел поззозвечер, еще звучит напев вальса, еще мерещится серое лицо поэта, кукольное личико декламаторши и оскаленные, как у задорного волчонка, зубы докладчика.

Еще слышится хихиканье публики, которая по существу умнее, чем это кажется по ее внешнему поведению.

Все поглощено аплодисментами и требованиями новых декламаций.

Игорь Северянин признан, ему аплодируют, его более не боятся¹³⁸.

На очереди стоял **Екатеринодар**, где Северянин, Шенгели и Балькис-Савская выступили 6 февраля 1917 (Зимний театр).

Сбор далеко не полный: сиротливо дремлют стулья первых рядов партера, грустят пустые ложки.

В фойе продают сборники поэм Северянина. Подойдет кто-нибудь, возьмет маленькую беленькую книжечку, заглянет в нее и поспешно положит. <...>

Публика ждет. Ждет долго, терпеливо.

Ждет, пока молодой «северянинец» Шенгели монотонно читает доклад-гимн о Северянине. И только шепот аккомпанирует молодому поэту. <...>

Шенгели сменяет Балькис-Савская. <...> Балькис-Савская не то читает, не то поет поэмы Северянина. Публика тихонько хихикает, другие вторят поэте похрапыванием.

На сцене — снова Шенгели. Он декламирует свои стихи. Декламирует красиво и стихи у него красивые: звучные, музыкальные <...>.

Наконец, перед зрителями предстает Он. Поэт вселенчества. Гений. Бог. Царь поэтов. — Так говорит о нем Шенгели.

Северянин полу-читает, полу-поет свои поэмы. <...> Гимназисточки и гимназистки, поддерживаемые одним из организаторов поэзовечера, аплодируют до потери сознания¹³⁹.

Иные критики были недовольны саморекламой и самовосхвалением Северянина¹⁴⁰. Другие увидели в Северянине «настоящего Божьей милостью поэта»¹⁴¹.

Вероятно, восторженный прием екатеринодарских гимназисток и предложение выступить еще раз послужили причиной того, что Северянин задержался в городе, устроив второй поэзовечер. В ожидании назначенного дня гастролеры съездили в **Новороссийск**. Там 10 февраля 1917 (Городской дом) состоялся поэзовечер с докладом Г. Шенгели «Поэт вселенчества»¹⁴².

На следующий день 11 февраля 1917 они вернулись в **Екатеринодар** и дали второй поэзовечер (зал 1-й женской гимназии) с докладом Г. Шенгели о Верхарне¹⁴³. Между тем уже рекламировался поэзовечер в Таганроге, и, не задерживаясь более, гастролеры проследовали туда. На вечере в **Таганроге** (Городской театр) 13 февраля 1917 Г. Шенгели читал доклад «Новое язычество в современной поэзии»¹⁴⁴. В местной печати поэзовечер получил отрицательную оценку¹⁴⁵, хотя вряд ли чем-нибудь отличался от всех предыдущих.

14 февраля 1917 очередной поэзовечер состоялся уже в **Ростове-на-Дону** (Ростовский театр).

Георгий Шенгели много и долго говорил о рондолетах¹⁴⁶, мандаринах и ананасах, кивал неодобрительно по адресу критики несравненного Игоря Северянина и читал его стихи¹⁴⁷.

Георгий Шенгели — тень «великого» Игоря. <...> Если Игорь Северянин — «тот, кто получает пощечины» от критики и публики, то Георгий Шенгели — «господин», проводящий в толпу «великие» идеи, комментирующий поэзию «нашего современника», вскрывающий символы его ажурного и чисто звучного стиха.

«Тень» поэта, как всякая тень, безобразно преувеличивает размеры «хозяина».

- Поэт городской культуры.
- Провидец.
- Предтеча нового «пушкинства».

Так кривляется Игорева «тень», с детской небрежностью развенчивая наших символистов, и играет, как кубиками, громкими фразами о «космическом сознании», о «монументальных моментах». <...>

Если Георгий Шенгели — тень Игоря Северянина, то г-жа Балькис-Савская — кривое зеркало Игоря Северянина. Дешевая граммофонная пластинка, которую неудачно «напел» Игорь Северянин. Как попугай, твердит г-жа Балькис-Савская заученные «на одной ноте» поэзы Игоря Северянина, разные «ананасы в шампанском», приводя в неопиcуемый восторг публику.

Весело и искренне, от всего сердца публика потешалась над несчастной жертвой этого «поэзовечера».

Мой весьма положительный сосед справа, впервые попавший на «поэзовечер», был в каком-то трансе.

— Этакая бездарность!

С довольным видом потирал бороду, громко хохотал и из всех сил аплодировал «поэзосолистке».

— Такое чтение не каждый день слышишь.

Публика потешалась:

— Bravo!

И упоенная двусмысленными аплодисментами «поэзосолистка» продолжала заученно щелкать разные «вирелэ»¹⁴⁸ и «изыски».

Игорь Северянин — на ампула «несравненной» — приберег себя к концу вечера. <...> И с обычной своей наивностью, которая некогда чаровала нас, стал читать прелестное:

— Погиб бирюзовый Лувен¹⁴⁹...

Снисходительным кивком головы отвечал на приветствия — и снова читал. Одна «поэза» следовала за другой.

Публика неистовствовала. Собственно, неистовствовала молодежь. «Несравненной» от поэзии кричали:

— «Шампанское в лилию»¹⁵⁰...

— «Молодежь»¹⁵¹...

— «Русскую»¹⁵²...

<...> Игорь Северянин ожидал, когда наступит тишина, и бросал в толпу:

— «Обожаю тебя, молодежь»¹⁵³. <...>¹⁵⁴

Другой критик заметил, что Северянин «два года назад был ярче и интереснее. Теперь — исполняющий поэзоконцертную повинность»¹⁵⁵.

После Ростова-на-Дону Г. Шенгели, И. Северянин и Балькис-Савская прибыли в Харьков, где было устроено три поэзовечера.

На первом поэзовечере 17 февраля 1917 в Театре Коммерческого клуба Г. Шенгели читал доклад «Поэт вселенчества».

Свой доклад г. Шенгели начал развенчанием символизма в русской литературе, признав полную его исчерпанность и в то же время невыполненность намеченных представителями символизма задач и целей. В подтверждение своего взгляда г. Шенгели приводил цитаты из произведений символистов.

Вторая часть доклада была посвящена новому намечавшемуся в современной литературе течению, в котором г. Шенгели видит залог будущего «пушкинства». Представителем этого нарождающегося течения г. Шенгели привел Волошина и др., причем очень выразительно прочел одно из лучших стихотворений г. Волошина. По окончании доклада выступала поэзосолистка Балькис-Савская. Чтение поэз И. Северянина в ее передаче большого впечатления не производило¹⁵⁶.

Далее прочел несколько своих стихотворений из сборника «Гонг» Шенгели — выбор и исполнение были удачны. И, наконец, наступил центральный момент и появился сам Игорь Северянин, встреченный бурными аплодисментами.

Манера чтения у поэта та же, но голос его звучит как-то полнее и уверенней; больше выразительности в чтении, больше оттенков. Строже самый выбор стихотворений.

Публики было много, и она неоднократно вызывала всех исполнителей, но, конечно, особенно упорно она не отпускала со сцены самого Северянина. Поэту были поднесены цветы¹⁵⁷.

На следующий день 18 февраля 1917 в том же помещении состоялся второй поэзовечер, на котором Г. Шенгели читал доклад «Верхарн».

Поэт Георгий Шенгели прочел небольшой доклад о трагически погибшем в ноябре прошлого года бельгийском поэте Эмиле Верхарне, дав яркий, но беглый очерк творчества гениального фламандца. Поэзосолистка Балькис-Савская прочла несколько поэз Игоря Северянина. Г. Шенгели с большим успехом прочел свои стихотворения. Наибольший успех выпал, конечно, на долю Игоря Северянина, прочитавшего ряд знакомых и любимых публикой поэз. Многочисленные поклонники и особенно поклонницы долго не хотели отпускать своего любимца¹⁵⁸.

Третий поэзовечер Игоря Северянина в Харькове состоялся 28 февраля 1917 (зал Общественной библиотеки) по новой программе. Г. Шенгели читал доклад «Самурай духа». Согласно афише, Балькис-Савская не выступала. Зато в поэзовечере участвовал со своими поэтами харьковский поэт А.П. Прокопенко¹⁵⁹. Отчета об этом выступлении в газетах не появилось, да и вообще репортерам стало не до отзывов о поэтических вечерах, поскольку все внимание приковала к себе свершившаяся в Петрограде революция.

4 марта 1917 поэзовечер с участием И. Северянина, Г. Шенгели и Балькис-Савской состоялся в Курске (Общественный клуб). Шенгели читал доклад «Поэт вселенчества»¹⁶⁰.

По-видимому, из Курска гастролеры на несколько дней вернулись в Москву¹⁶¹. Назначенный в Elizavetgrade на 26 февраля 1917 поэзовечер был отложен и перенесен на 7 или 8 марта 1917¹⁶². Однако, судя по всему, так и не состоялся.

Завершилось турне двумя поэзовечерами в Киеве (зал Купеческого собрания), прошедшими 9 и 11 марта 1917. На первом вечере Г. Шенгели читал доклад «Поэт вселенчества», на втором — «Верхарн»¹⁶³.

Третье гастрольное турне, по сравнению с двумя предыдущими, оказалось наиболее насыщенным выступлениями. Это же турне оказалось для Северянина последним в России. Из его последующих выступлений в провинциальных российских городах удалось найти лишь одно: поэзовечер в Ярославле (зал Екатерининской женской гимназии) 25 (12) февраля 1918 года¹⁶⁴. Но, строго говоря, с уверенностью об этом вечере можно сказать лишь то, что он был объявлен. Никакой информации о том, состоялся ли он, обнаружить не удалось.

Характеризуя гастроли Северянина в целом, безусловно, можно назвать их триумфальными. Никакой другой поэт-футурист не пользовался в эти годы сколько-нибудь сравнимой популярностью. А сравнивать есть с чем. Тогда же активно гастролировали В. Каменский и В. Гольцшмидт, выступал также Г. Золотухин. Как и у Северянина, у них были импресарио¹⁶⁵, и заботы по организации выступлений уже не лежали на плечах самих гастролеров.